

Мне кажется, каждый человек, любой из нас, до совершеннолетия как бы проживает всю свою жизнь, самое великое в ней. Получает самые сильные эмоциональные впечатления. Да что там жизнь — целые эпохи «вмещает» в себя этот возраст! Потом... Потом эмоции выплескиваются у кого-то, например, в творчество. А какую роль играло в детстве кино! Если бы не оно, не «Василиса Прекрасная» (я двадцать раз смотрел картину и каждый раз меня просто трясло, так переживал!), возможно, и в моей жизни все было бы иначе. Не было бы ни ВГИКа, ни работы на студии Горького, куда мы пришли в 1964 году вместе с Григорьевыми Ренитой и Юрой, Марком Осепьяном, Павлом Любимовым (кстати, за год до нашего прихода, в 1963 г., киностудия и была названа студией детских и юношеских фильмов). И было бы ли вообще детское кино?!

Нередко знакомые, друзья меня спрашивают: «Ну, зачем оно тебе нужно — это детское кино? Когда ты займешься уже серьезным делом?»

Понятно, конечно, времена меняются. И кино в наши дни практически перестало быть «самым важным из искусств», — увы, и без всякой иронии. Первое место в обществе занимает сегодня телевидение. Оно — основное средство массовой пропаганды и для демократов, и для консерваторов, которые никак не могут поделить власть. Все мы помним, как телевизионная башня родного «Останкино» стояла в окружении настоящих боевых танков. Да, политика есть политика, но вот только ведь и дети тоже втянуты в бесконечные споры взрослых, в которых считается так много ценного, поистине человеческого. Уважение и почитание старших, любовь к матери, отцу своему, любовь к Отечеству — это ли не главное? Вот чему, уверен, надо всегда быть верным, независимо ни от каких обстоятельств, политических ситуаций и государственных устройств. А наши дети сегодня опять становятся под «знамя» кто Ельцина, кто Руцкого. Но ведь это уже все пройденное: были уже и Ленин, и Сталин, и... Пора бы, наконец, понять, что красивые или синие галстуки на груди — суть-то от этого не меняется. Нельзя видеть в ребенке яблоко раздора. Растаскивать его в разные стороны, как это делается сегодня. Того и глядишь,

перегрызет горло собственному папаше. Ведь капитализм, рынок, скажет, а законы рынка жестоки. Так-то.

А вот мальчик, в исполнении которого я впервые услышал по телевидению песню «Прекрасное далеко» (тогда я только начинал работу над фильмом «Гостья из будущего») — другой. Я уверен, что душа этого ребенка во многом спасена. По крайней мере, что бы ни случилось с этим мальчиком — он не станет мстить своим обидчикам. Это можно было понять сразу, как только зазвучал его нежный, тонкий, искренний, чистый голос.

Песня «Прекрасное далеко» вошла в мой фильм «Гостья из будущего» и, как мне кажется, сыграла в нем заметную роль. И представьте, каково было мое удивление, когда я слышал от своих коллег буквально следующее: «Ну, Арсенов, учудил ты со своим «прекрасным далеко, не будь ко мне жестоко». Но я, как и прежде, убежден — дети должны верить в будущее. И это главное. А не та крутая правда жизни с постоянно разоблачающими действительность историями о плохих преподавательницах, мамах-наркоманках, папах-ворах, с пьянством, развратом и черт-те с чем еще, что сегодня обрушилось лавиной на головы наших детей с кино- и телеэкранов. Какая уж вера в будущее?!

Но вдумайтесь только, кто же нам дал такое право говорить, что жизнь — это дно? Кто?! Мы же тем самым только развращаем человека с малолетства. Разве что-то становится от этой правды лучше в самой жизни?!

Перечитайте еще раз Федора Достоевского. Я не так давно это сделал и обнаружил поразительную вещь. Я открыл для себя писателя веселого, но веселость эта — человека настрадавшегося. Раньше я много думал, как так получается у Достоевского — до бездн человеческой доходит и сам из нее выбирается и других не пачкает. Сейчас понимаю: спасла его вера, которую всю свою жизнь писатель мучительно искал и утверждал в себе — вера в человека и любовь к нему. По Достоевскому, жизнь — это родник. И что интересно, родник этот лежит на дне болота. Представьте, болота — хранители родников. Поэтому-то их нельзя осушать. Признаться, я и сам не так давно это узнал. И вот о чем подумал: многие из нас, неустанно твердя:

начала и до конца знают, как снимать. У меня происходит по-другому: кажется, все просчитано, накануне съемок отчетливо представляю, что буду делать на площадке, и вдруг в какой-то момент появляется новая деталь и меняет все дело. Решения нет, как будто его и не было никогда. А ведь «Короля-Оленя», именно эту картину, я вообще почти полностью зарисовал еще в подготовительном периоде. (Самое трудное для режиссера — донести до творческой группы свой замысел в целом. Я считаю, что с помощью рисунков намного легче разговаривать с актерами, оператором, художником. Каждый из них на своем пути может что-то к фильму прибавить или сделать наоборот. Рисунки дают возможность понять друг друга без слов. И когда это происходит, я счастлив и радуюсь вместе со всеми как благодарный ребенок).

И тем не менее многие эпизоды рождались нелегко и особенно — сцена охоты. Ну, представьте, как можно такое снять, ведь надо было убить живое существо! А есть ли на свете такая цель, ради которой можно это сделать?!

Даже если животное, так или иначе, но все равно будет на бойне?! Нет, нет и еще раз — нет! Убить живое — грех. Но нередко и такое случается, хотя и делается это под прикрытием «высоких» целей. Скажем, есть такая небезызвестная история о съемках одной из престижных презентаций. На ней присутствовали женщины в элегантных вечерних туалетах, мужчины в костюмах от Диора. Все они важно беседовали на самые серьезные темы. Говорили о войнах; о людях, которые безвинно сегодня гибнут; о крупных катастрофах и кризисах совре-

И ЖИЗНЬ, И ДЕТСТВО, И КИНО

КНИГА С ПОЛКИ

12 ноября этого года, в день памяти Ролана Быкова. Фонд его имени представит публике книгу «И дольше века длится детство» из серии «Говорят мастера детского кино». Сборник интервью и статей режиссеров, в чьем творчестве воплощались темы детства, был издан в 1995 году, но до сих пор не поступал в продажу. Оказывается, не только фильмы годами лежат «на полке», но и книги... Один из замечательных мастеров детского кино Павел Арсенов, не дождался выхода в свет своего интервью, подготовленного для этого издания. Он ушел из жизни 12 августа этого года. Публикуя (с сокращениями) его текст, мы отдаем дань памяти Арсенову и Быкову.

СК № 10-108-9999-29 с. 10.

«Жизнь — это болото», просто не понимают, что за этой топкой, мутной, непросматриваемой жидкостью — настоящая живая вода. А это так важно знать, если мы хотим, чтобы наши дети любили жизнь, все самое доброе и красивое, что в ней есть. Собственно, для этого мы и работаем, для этого и снимаем свои фильмы.

Я стараюсь как можно больше общаться с детьми. У них удивительное чутье: дети мгновенно понимают, где хорошее, а где плохое; когда искренне, когда — нет. Я понял, что с детьми надо разговаривать «без дураков». Казалось бы, такие простые вещи, ну, кто этого не знает, и, тем не менее, очень часто приходится слышать: «Ну, как с ними наладить контакт?» А, в общем-то, все зависит от нас самих. Ведь стоит только на минуту окунуться в прошлое, в свое детство, вспомнить себя ребенком — уверен, сможешь понять свое дитя. Нам же чаще всего не хватает времени. Мы невнимательны ни к себе, ни к нашим детям. То и дело занимаемся искуплением грехов предыдущего поколения, а подумать о новом, сегодняшнем, подрастающем — нам некогда. А кроме того, еще и «нервные клетки не восстанавливаются», как известно. Только вот как я это понимаю: я берегу твои нервы, а ты — мои. И если существует, как мне кажется, такой баланс в отношениях между взрослыми и детьми — тогда-то и можно рассчитывать на понимание.

Другое дело, что взаимобережное отношение друг к другу не рождается на пустом месте. Прежде надо «вложить» в ребенка: помочь, подсказать, научить. Как? А все очень просто — своим примером. То, что мы — родители, педагоги, литераторы, люди искусства — говорим детям, должно полностью соответствовать, быть, что ли, одним к одному с тем, что мы делаем. «Давайте, дети, быть честными», — учим мы. Значит, и самим надо быть честными. Или, к примеру, как можно снимать фильм-сказку для детей (а в сказках, все знают, добро всегда побеждает зло) — без веры в победу Добра? А настоящая победа — она ведь не в том, что кто-то тебя обидел и вскоре обидчику на голову свалился кирпич, нет. Добро — вне личной жизни, оно не зависит ни от каких обстоятельств и желаний. Добро — или есть или его нет. Это как «живая вода», а такая существует в природе. Она настолько чистая и прозрачная, что пропускает сквозь себя свет. Люди назвали ее «живой». Эта вода мгновенно утоляет жажду. Сделаешь глоток и чувствуешь, как все в тебе наполняется невидимой радостью, ты как будто снова родился на свет. Когда я был ребенком, у нас в Тбилиси, в домах прямо из кранов текла такая вода. Ее «вели» из знаменитого озера Алазань. С тех пор, со времен детства, никогда больше в своей жизни я не пил такой необыкновенно вкусной, чудотворной, поистине волшебной воды.

Вот почему я очень люблю сказки — в каждой из них есть образ «живой» воды. И хотя бывают сказки и грустные, как «Король-Олень» Гоцци, но все равно они несут в себе свет, тепло, доброту. Именно к этому я стремился, когда по «Королю-Оленю» снимал свой фильм. Однако в процессе работы над картиной не все сразу складывалось. Признаться, я просто не понимаю многих своих коллег, которые говорят, что от

менного мира. А тем временем на глазах достопреченной публики зажаривали молоденького, розовенького, обаятельного поросеночка. Понимаете, на вертеле крутили настоящую хрюшу с глазками, ушками, лапками. А потом убиенную стали аккуратно, ножичком и вилочкой разделять на части эти же самые дамы и господа. А камеры все снимали, снимали и снимали! Оказывается, и такое возможно в современном цивилизованном обществе. Но, слава Богу, люди все разные. Другой человек — ты его хоть самого убей, но он никого не убьет, муху не тронет. Ему это НЕ ДАНО!

...Прокрутив немало вариантов, охоту в «Короле-Олене» в результате мы сняли. И все было и в самом деле как на охоте: лошади, собаки, погоня, стрельба со стрелами, олени. И кровь на картине, портрете поверженного Оленя. А самое главное было потом, когда фильм вышел на экраны, и я увидел, как ребята откликнулись на эту все-таки грустную сказку. Я читал школьные сочинения. И вот что написал один мальчик: «Я плакал, хотя и знал, что на самом деле олень остался живым. Режиссер мог убить его, но не сделал этого. Зачем? Я и так все понял».

Я очень хочу, чтобы дети поняли и мой новый фильм — сказку «Волшебник Изумрудного города». Хочу, чтобы посмотрев картину, ребенок пришел домой и сказал: «Мама, какая ты у меня красивая и добрая, как волшебница». Хочу, чтобы наша киносказка получилась ласковой и детям от нее стало ласково. Чтобы они полюбили Ингу, которую играет девочка Катенька с удивительными, как блюдечки, глазками — синими-синими — и с таким доверчивым взглядом, что ее все время хочется защитить. А самое главное в этой сказке — совсем, кажется, простая мысль, которая, думаю, многих, как и меня, неустанно волнует...

И рай, и ад — все в нас самих. Надо только уметь вслушиваться в себя: что же там внутри происходит, как оно, сердце, бьется? Я не об этом, не о возрастных проблемах, а обо всех нас. О том, что каждый человек должен постигать себя самого на протяжении всей жизни. И это осмысление начинается уже с детства, с того самого момента, когда ребенок впервые пытается понять «что такое хорошо и что такое плохо». Только маленькому человеку надо помочь найти свой, собственный ответ на этот не такой простой вопрос. А их впереди еще будет так много, но отвечать придется уже самому.

И я вот, размышляя, задаю нам всем один вопрос: «Что значит быть самим собой?... Наверное, прежде всего, надо СТАТЬ САМИМ СОБОЙ. У каждого человека должна быть своя неповторимая жизнь, а не чужая, которую мы порой проживаем. Потому что нам все не хватает времени — остановиться и подумать о чем-то очень важном. Все бегут, и ты бежишь, и в суете не понимаешь — там не твое, тебе совсем в другую сторону. А вот бы стать как пень на одном месте и осматреться. А потом уже и бежать, но знать, для чего ты это делаешь. И пусть все вокруг говорят: «Вот чудак! Стоял, стоял и вдруг рванул». А ты побежал туда, потому что тебе что-то внутри подсказало. И здесь нет никакой мистики. Так, я думаю, оно бывает и в творчестве. Так — и в самой жизни.

Записала Наталья МАЗУР